

Т.В. Коротченко

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА НАСЛЕДИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: АМЕРИКАНСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
«Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского», № 18-012-90020\20*

Выявлены этапы и направления «политической» рецепции творчества Ф.М. Достоевского в США XX–XXI вв. Прослежена эволюция осмысления исследователями политической проблематики: от анализа художественного воплощения политических взглядов Достоевского (1950–1960-е гг.), обращения к публицистике (1970–1980-е гг.) до синтеза эстетических принципов писателя с его религиозными и политическими размышлениями (2000–2010-е гг.), что определяется литературным процессом в Америке и политическими отношениями между странами.

Ключевые слова: рецепция Ф.М. Достоевского в США; политика; диалог культур.

Творчество Ф.М. Достоевского давно вышло за рамки национальной литературы и в полной мере стало фактом мировой культуры. Интерес к личности и к творческому наследию писателя не ослабевает на протяжении всего XX в. и сохраняется по настоящий момент, о чем свидетельствует появление как новых переводов художественных произведений писателя, так и работ, посвященных вопросам изучения творчества писателя и его рецепции.

Литературная репутация Достоевского за рубежом формировалась по-разному в зависимости от особенностей культурно-исторической парадигмы, литературного процесса воспринимающей страны, а также переводческого осмысления произведений писателя. В США интерес к творчеству русского писателя как со стороны читательской аудитории, так и научной мысли возник только в середине 1940-х гг., в то время как в европейских странах так называемый культ Достоевского приходится на начало XX в. Возможно, именно поэтому американское литературоведение изучает творчество Достоевского с учетом сложившихся традиций в европейском и российском достоевковедении. В этом контексте обращение к исследованию опыта американского достоевковедения, объединяющего разные подходы и тенденции к изучению творчества писателя, представляется крайне актуальным.

К проблеме осмысления рецепции творчества Достоевского в США обращались как в отечественном, так и зарубежном литературоведении. Среди российских исследователей стоит упомянуть работы Т.Л. Мотылевой [1], А.Л. Григорьева [2], А.Н. Николюкина [3], диссертационные исследования Н.Б. Мединской [4] и И.В. Львовой [5]. На основе различного фактического материала исследователи анализируют влияние творчества Достоевского на американских писателей, выявляют основные методологические позиции в американском достоевковедении. В США среди работ, посвященных изучению осмысления творчества Достоевского, стоит назвать книги Х. Мачник «Английская репутация Достоевского» [6] и Д. Брюстер «Восточно-западные связи» [7]. Обе исследовательницы обращаются к изучению вопросов восприятия творчества Достоевского в Ан-

глии и США в первой половине XX в., анализируют причины и особенности интереса к наследию русского писателя, прослеживают историю русско-американских культурных связей.

Несмотря на наличие работ, посвященных анализу восприятия творчества Достоевского в США, вопросы, связанные с исследованием обращения литературоведов к политическим размышлениям писателя, не получили должного освещения в современном достоевковедении. Отметим, что политические взгляды Достоевского, их своеобразие не раз становились предметом обсуждения филологов, историков и политологов. Среди современных авторов, которые обращаются к анализу творчества писателя в аспекте сближения филологии и политологии, можно назвать труды Е.Г. Новиковой [8], А.И. и Н.Г. Щербининых [9], М.В. Михновец [10], М.В. Подрезова [11] и многих других. Однако на сегодняшний день не существует специального исследования, посвященного изучению эволюции восприятия Достоевского как политического мыслителя.

Целью данной работы является изучение на материалах работ американских исследователей особенностей репутации Достоевского как политического мыслителя. В частности, предпринимается попытка показать эволюцию репутации Достоевского-политика, сформировавшейся в рамках научного американского дискурса. Вне поля исследовательского интереса остались работы, посвященные анализу художественного мира произведений русского писателя. Изучение иноязычной научной рецепции творчества Достоевского позволяет не только выявить те предпосылки в его творчестве и особенности его восприятия, которые сформировали определенный портрет Достоевского как политического мыслителя в США, но и раскрыть механизмы диалога двух культур. Настоящее исследование выполнено на основе следующих подходов: типологический, позволяющий выделить основные направления в американском достоевковедении, и компаративистский, в рамках которого привлекаемый для анализа материал рассматривался в сравнительно-историческом и сравнительно-культурном аспектах. Важной методологической основой также послужили работы Ю.М. Лотмана «Семиотиче-

ское пространство» [12] и «Механизмы диалога» [13]. Периоды в рецепции творчества Достоевского в политическом аспекте рассматриваются как «партии в диалоге» русской и американской культур, которые вписываются не только в литературно-культурное семиотическое пространство, но и широкий политический контекст.

Анализ восприятия творчества Достоевского в США демонстрирует изменение фокуса внимания литературоведов. В США интерес к творчеству Достоевского возник намного позже, чем в Европе. При этом, как и в европейских странах, Достоевского в большей степени рассматривали выразителем русской души, психологом и пророком, обладающим мистической способностью обнажать самые сокровенные тайны человеческой природы. Однако в отличие от Европы, где начало XX в. принято называть временем «культы Достоевского», американская культура, в которой все еще господствовала «традиция благопристойности», демонстрировала сдержанное отношение к творчеству русского писателя.

Новый этап в осмыслении творчества Достоевского начинается приблизительно в середине XX в. В центре внимания исследователей находится художественный мир писателя, своеобразие поэтики его произведений. В США открываются центры по изучению русского языка и русской литературы, а также творчества Достоевского. Свидетельством нарастающего интереса к личности писателя и популяризации его творческого наследия является появление новых переводов произведений.

В конце XX в. начинается третий этап в изучении творчества Достоевского. На фоне большого многообразия применяемых методов и подходов к анализу произведений русского писателя можно говорить о широком распространении методологии М.М. Бахтина и таких ее ключевых идей, как полифония, диалог и двуголосое слово. При этом внимание исследователей к проблемам поэтики и своеобразию художественного мира Достоевского сочетается в американском литературоведении с изучением идеологической стороны его произведений, интересом к христианскому мировоззрению писателя.

Несмотря на смену исследовательских доминант, стоит подчеркнуть тот факт, что внимание к политической проблематике, хоть и в разной степени, но сохраняется на всех этапах американской рецепции творчества Достоевского. Это подчеркивает важность данного аспекта в литературном портрете писателя создаваемом в американской культуре, и определяет, необходимость исследования эволюции восприятия творчества писателя в заданной парадигме.

Первые высказывания исследователей относительно политических воззрений Достоевского можно отнести к 1915 г., когда в американском журнале «Нью Репабикан» выходит ряд статей, авторы которых попытались дать характеристику политической сути Российской империи, выявить особенности национального русского характера. В январском выпуске журнала публикуется сразу две статьи: «Славянская мечта» (здесь и далее перевод мой. – Т.К.) [14], автором которой является Г.Н. Брейлсфорд, и

«Варвары» Р. Уэст. [15]. В данных статьях авторы пытались объяснить политические установки Российской империи через анализ ее духовных и политических лидеров. Г.Н. Брейлсфорд рассматривает российский панславизм с отсылкой к фигуре К.П. Победоносцева, обер-прокурора Святейшего Синода. Р. Уэст из всех известных людей XIX в. выделяет Достоевского как ключевую фигуру, определяющую своеобразие русского характера.

В мартовском выпуске журнала того же года в полемике о миссии России на мировой политической арене и сути русского характера включается Дж. Цейтлин. В статье «Достоевский-реакционер» [16] он обращается к анализу политических воззрений обер-прокурора Победоносцева и Достоевского, транслируемых в своих художественных произведениях. По мнению Д.Ж. Цейтлина, в самих размышлениях писателя о судьбе России, ее мессианском предназначении нет ничего угрожающего для других наций и мироустройства в целом, однако, если учесть «его (Достоевского) способность воодушевлять молодое поколение мессианскими идеями» [16. Р. 177], творческое наследие писателя может быть легко использовано в качестве манипулятивного инструмента воздействия на сознание русских людей с целью воспитания, с одной стороны, покорности власти, с другой – чувства собственной значимости, позволяющего стране захватывать новые территории, прикрываясь благородными идеями о всеобщем братстве. Едва ли статью Дж. Цейтлина можно рассматривать как полномасштабное литературоведческое исследование политической проблематики в творчестве Достоевского. Однако автору, на наш взгляд, удалось предвосхитить или в какой-то мере определить основные направления, в рамках которых в дальнейшем будет формироваться политический портрет Достоевского в американском научном дискурсе.

Первое направление включает исследования, отличительной чертой которых является установка на абсолютное взаимопроникновение политики и литературы в русской культуре. Такое восприятие русской литературы обусловлено самой спецификой российской действительности. Цензурная политика царской России, которая в середине XIX в. стала «атрибутом тиранического режима» [17. С. 215], во многом определила отношение русской интеллигенции к художественному слову. Художественная литература, и прежде всего роман, становится средством обличения современного политического устройства, обнажения существующих проблем и выражения альтернативных решений. При этом в исследованиях американских литературоведов, выполненных в рамках обозначенного направления, стоит выделить две категории работ, посвященных анализу творчества Достоевского в политическом аспекте. К первой категории относятся работы, в которых исследователи осознанно подчеркивают синкретизм российского социума, где невозможно и не следует разделять политику, религию и культуру, в частности литературу, поэтому анализ художественного произведения, по их мнению, в первую очередь должен вскрывать особенности взаимодействия социально-политических реалий и худо-

жественного слова. Ко второй категории стоит отнести работы, авторы которых не писали напрямую о связи русской литературы и политики как о ее определяющей черте, но при этом выбор приемов интерпретации художественных произведений писателя во многом обусловлен ориентацией на социально-политический контекст. В целом, в рамках данного направления, стоит прежде всего упомянуть работу И. Хоу «Достоевский: политика спасения» (1955 г.) [18]. Анализ политических взглядов писателя в данной работе предваряется описанием особенностей русской культуры и литературы, в частности, исследователь определяет отличие западного романа от русского, которое заключается в том, что «романное слово на Западе рассматривается, прежде всего, с художественной точки зрения, а в России оно приобретает пророческий пафос» [18. Р. 42]. О взаимопроникновении литературы и политики как об определяющей особенности русского социума писал Г. Кокс: «Национальная литература может дать ценные представления о специфике моделей поведения не только отдельных граждан, но и определенных групп и политических институтов. Это особенно актуально, когда речь идет о такой стране, как Советский Союз, где литература, политика и национальное самосознание тесно взаимосвязаны» [19. Р. 88].

В рамках второго направления американские исследователи рассматривают политические воззрения Достоевского с точки зрения империализма России, национализма и ее мессианской роли в судьбе человечества. Несмотря на очевидную неразрывность политики и литературы, принципиальным отличием данного направления можно считать следующее: вписывая произведения Достоевского в социополитический и исторический контексты, авторы работ приходят к резко негативной оценке русского национального характера, политической роли России и творчества Достоевского в целом, усиливая тем самым русофобские настроения в западной культуре. Наиболее яркими исследованиями в рамках данного направления можно назвать статьи Дж. Ф. Мэтлока «Литература и политика: влияние Федора Достоевского» (1979 г.) [20], Г. Кокса «Психология Достоевского и культурно-политическая идентичность России» (1984 г.) [19]. На основе анализа романов «Бесы» и «Братья Карамазовы», публицистического наследия писателя, а также работ В.В. Розанова и американского исследователя Э. Сэндоза, Дж.Ф. Мэтлок, в будущем посол Соединенных Штатов в СССР, предпринимает попытку сформулировать политическую философию Достоевского, вычленив истинно его точку зрения. Рассматривая «Легенду о Великом инквизиторе» как квинтэссенцию политической философии писателя, Мэтлок, по сути, обвиняет романиста в несоответствии описанной в «Легенде» концепции мироустройства с его политическими размышлениями, представленными в «Дневнике писателя». Опора на отдельные высказывания Достоевского, рассматриваемые вне целостной этико-исторической системы координат писателя, приводит к однобокому восприятию Достоевского-политика, пропагандирующего, по мнению исследователя, исключительность русского народа и право-

славия и поддерживающего военное решение социальных проблем. Основная идея работы Г. Кокса заключается в том, что в психологическом портрете литературного героя произведений Достоевского можно найти те национальные черты, которые объясняют особенности поведения России на мировой политической арене, начиная со времен Крещения Руси и заканчивая эпохой Советского Союза. Автор последовательно доказывает, что закомплексованность, отсутствие уверенности в себе и национальной самоидентификации являются основными чертами протагониста Достоевского. Проблема самоидентичности, по мнению автора, приводит, во-первых, к отрицанию всего «чужого», во-вторых, к «демонстративному самобичеванию или, наоборот, самовозвеличиванию» [19. Р. 88]. Выявленные особенности характера героя Достоевского являются доминантными чертами русского национального характера, что и обуславливает специфику как внутренней политики страны (включая отношения в семье, народа и правительства), так и ее внешнеполитической стратегии, которая всегда определяется либо «напористостью» [19. Р. 91] и национализмом, либо «склонностью к подчинению» [19. Р. 92] и подражанию.

С точки зрения хронологии, на наш взгляд, можно выделить четыре основных этапа в формировании портрета Достоевского-политика в американском научном дискурсе. Критериями для выделения периодов в осмыслении творческого наследия Достоевского стали, во-первых, интенсивность интереса к политической проблематике в творчестве писателя (а именно количество опубликованных работ), во-вторых, появление новых ракурсов исследования и, наконец, изменения в культурно-политических отношениях между Россией и Западом.

Первые серьезные исследования, направленные на изучение политических воззрений Достоевского, появились в 1950–1960-е гг. Несмотря на небольшое количество опубликованных в данный период работ, можно утверждать, что в середине столетия в Америке начинается новый этап в осмыслении политической проблематики в творчестве писателя. В 1955 г. в свет выходит статья И. Хоу «Достоевский: политика Спасения» [18], которая, с одной стороны, знаменует начало нового периода в политическом осмыслении творчества Достоевского, с другой стороны, закрепляет в литературоведческой американской мысли ранее намеченную Дж. Цейтлином тенденцию к рассмотрению в неразрывной связи политики государства и литературы. Однако в осмыслении И. Хоу такая связь политики и литературы осложняется наличием третьей составляющей – религии. По мнению автора, политические размышления Достоевского напрямую связаны с его духовными поисками, с попыткой объяснить несовершенство человеческой природы, с опасением, что интеллигенция, «выйдя из-под контроля христианства и отстраняясь от сердечности русского народа, может совершить ужасные поступки ради удовлетворения собственного тщеславия» [18. Р. 46]. Произведения Достоевского нельзя рассматривать только в политическом аспекте или только в религиозном ключе, такой подход «неизбежно будет

обеднять духовные поиски писателя» [18. Р. 51]. На основе подробного анализа общественно-политической ситуации, сложившейся в России в середине XIX в., а также детального анализа романа «Бесы», И. Хоу формулирует одну из главных особенностей Достоевского как политического мыслителя, которая заключается в объединении идей панславизма, радикализма и православия. Стоит заметить, что, начиная с работы И. Хоу, в дальнейшем политическая мысль Достоевского (за исключением редких случаев) будет рассматриваться в неразрывности с религиозными взглядами писателя.

В 1963 г. Дж. Франк публикует статью «Достоевский: встреча с Европой» [21]. Как и И. Хоу, Дж. Франк не отделяет политические размышления писателя от его религиозных воззрений. Проводя параллели и системные связи между «Зимними заметками о летних впечатлениях» и «Записками из подполья», автор на примере анализа образов «муравейника» и «хрустального дворца», размышлений Достоевского о свободе и социальном счастье приходит к заключению, что «уже в “Зимних заметках” кроются ответы на многие “тайны” социально-политических воззрений писателя» [21. Р. 251], одна из которых заключается в том, что, по мнению Достоевского, «будущее не за Западом, а за Россией, однако только в том случае, если она сохранит истинный христианский характер коммуны (общества) и не будет создавать новую» [21. Р. 250].

Очевидно, что основным материалом для изучения социально-политической проблематики творчества Достоевского становятся его художественные произведения. Никто из авторов представленных работ не обращается для подтверждения собственных концепций к анализу «Дневника писателя», писем Достоевского, несмотря на то что первый перевод «Дневника» на английский язык был опубликован еще в 1949 г. Возможно, игнорирование публицистического наследия писателя связано с основной задачей, поставленной в этот период западным достоевковедением, а именно выявить художественное своеобразие творческого метода писателя. В подтверждение этой мысли показательными можно считать работы Р. Фюлепа-Миллера «Литературная репутация Достоевского» (1951 г.) [22] и Э. Симмонса «Достоевский: становление романиста» (1940 г.) [23], где исследователи особенно отмечают «новый реализм» Достоевского [22] и значимость его художественных достижений для мировой литературы.

Очевидная ориентация исследователей на эстетическую сторону творчества писателя, возможно, продиктована и историко-политическими обстоятельствами. В конце 1920-х гг. США переживает крупнейший в истории страны экономический кризис, который заставил американское общество обратиться к поиску другого порядка жизни. В этом аспекте положительный опыт плановой экономики СССР становится для США ориентиром в определении нового курса. Неслучайно А. Эткинд в книге «Россия и Америка в травелогах и интертекстах» обозначает 1930-е гг. как период подражания США России [24]. Используя терминологию исследователя, можно говорить о том, что США в

диалоге с Россией, которая представляется «образом Другого», в этот период использует схему «ассимиляции», которая чаще «вызывает скуку» [24. С. 8], чем недоверие и напряжение. Позволим здесь процитировать фрагмент из беседы И.В. Львовой с профессором американского университета Д. Райсом, в которой последний в качестве основной причины популярности Достоевского в США обозначил страх: «Когда нечто происходит в России и Запад чувствует угрозу для себя, то он обращается к Достоевскому, чтобы понять Россию» [5. С. 17]. В этой связи закономерным выглядит отсутствие большого количества работ, посвященных исследованию политических взглядов Достоевского в период ориентации США на экономический и культурный опыт СССР, однако ситуация начинает постепенно меняться после окончания Второй мировой войны, с ростом авторитета СССР и началом холодной войны. Указанные события побудили американских исследователей обратиться к социально-политической проблематике творчества Достоевского. В этом отношении показательным следующее утверждение: «Перемены в политике стали одним из определяющих факторов в знакомстве Запада и Америки с русской литературой и творчеством Достоевского, в частности. Изменения в репутации Достоевского во многом связаны с политическим климатом и характером русско-американских отношений» [5. С. 17].

Робкое внимание исследователей к политической проблематике творчества Достоевского в середине столетия сменяется в последующий период – 1970–1980-е гг. Среди большого корпуса работ можно выделить несколько доминирующих направлений. По-прежнему большое количество исследователей рассматривает политические воззрения писателя в тесной взаимосвязи социума и религии, при этом в большей мере своеобразие Достоевского-политика видится в его религиозных убеждениях. В этом аспекте стоит прежде всего упомянуть труд Р. Бэлнепа. «Националистическая идеология и риторика Достоевского» (1972 г.) [25], а также работы Э. Сандоза «Политический апокалипсис: анализ поэмы “Великий инквизитор” Достоевского» (1971 г.) [26] и «Философский подтекст политики Достоевского» (1978 г.) [27]. Обращаясь к анализу как художественных, так и публицистических произведений Достоевского, Э. Сандоз делает вывод о том, что в миропонимании писателя любая политическая теория теряет всякий смысл, если в ее основе лежат только рациональные начала, другими словами, любая политическая теория должна быть ориентирована на поиск истины. Исследователь пишет, что все «великие романы (Достоевского) были написаны с целью изменить человеческие жизни, кардинально поменять суть существования человека, сориентировав его в направлении божественной истины» [27. Р. 668]. Таким образом, политические размышления писателя, по мнению исследователя, выходят за рамки эмпирического познания действительности. Интересным также видится и то, как Э. Сандоз закачивает одну из своих работ: исследователь приводит цитату из произведения А.И. Солженицына о том, что «...большой писатель в стране – это ...как бы вто-

рое правительство» [27. Р. 674]. Выбор такой цитаты в качестве заключительной фразы исследования о политической философии Достоевского еще раз подчеркивает неразрывность русской литературы и политики в восприятии американских литературоведов.

Статья Д. Уолша «Открытие Ф.М. Достоевским христианских основ политики» (1986 г.) [28] написана в аналогичном ключе. Автор показывает, что в миропонимании Достоевского вне человека не может быть социума и истории (все, что происходит в рамках человеческой души, экстраполируется в социум и определяет его политическое устройство), а основная проблема современных ему политических движений заключается в «отсутствии в них Христовой любви как единственной движущей и объединяющей» [28. Р. 49].

Рассмотрение политических взглядов Достоевского в аспекте его религиозного мировоззрения неизбежно актуализировало в исследованиях тему противостояния православия и католицизма в творческом наследии писателя. В этом ключе к анализу произведений Достоевского обращались такие авторы, как Б.К. Ворд «Критика Запада Достоевским: в поисках рая на земле» (1986 г.) [29] и Д. Диэршорл «Ф.М. Достоевский и католическая церковь» (1986 г.) [30]. Исходя из представления Достоевского о неразрывной связи государства и церкви, Б.К. Ворд обращается к анализу размышлений писателя о социальном счастье и социальной гармонии и приходит к выводу, что в мировоззрении Достоевского русское православие предстает как возможность сохранения и преумножения личной свободы человека, в свою очередь, католицизм нацелен на лишение человека свободы. Д. Диэршорл анализирует причины формирования неприязненного отношения в русском обществе к католической церкви, которое, как показывает исследователь, сложилось задолго до рождения Достоевского и сохранялось в XX в. Показательно, что обращение к фигуре Достоевского, привлечение его размышлений о католицизме как на художественном, так и публицистическом материале, исследователь объясняет самим феноменом Достоевского, который, по его мнению, «стал единственным русским писателем, так яростно отстаивающим интересы родной страны» [30. Р. xiii].

Абсолютно новым направлением в изучении политических взглядов писателя становится обращение исследователей к теме Востока. Одной из первых работ по данной проблематике стала статья М. Футрелла «Достоевский и ислам (а также Чокан Валиханов)» (1979 г.) [31]. Обращаясь к анализу писем, обширного художественного материала, автор статьи исследует явные и скрытые отсылки к мусульманской культуре, в частности Корану и образу Пророка Мухаммеда. Особое внимание уделяется личности Чокана Чингисовича Валиханова, событиям, которые побудили писателя обратиться к мусульманскому Востоку, а также источникам, из которых Достоевский черпал знания о мусульманской культуре. В своей следующей работе «Буддизм и Братья Карамазовы» (1981 г.) [32] М. Футрелл исследует философию старца Зосимы в контексте буддизма, выявляет параллели между теориями дзен-буддизма, Махаяны, тибетского буддизма и идеями старца Зосимы о всеобщей ответ-

ственности, объединении людей и рае на земле. В данном направлении также размышляли такие исследователи, как Дж. Райс «Родственник Мухаммеда или целительное безумие» (1985 г.) [33] и К. Сахни «Восточные фантомы: взгляды Ф.М. Достоевского на Восток» (1986 г.) [34]. На основе анализа художественных текстов Достоевского К. Сахни выявляет эволюцию политических взглядов писателя от нейтральной оценки до ненависти ко всему мусульманскому миру, вслед за Дж. Мэтлоком исследователь отмечает противоречия между высказываниями героев о Востоке и собственными размышлениями писателя, представленными в «Дневнике писателя», в котором Достоевский предстает как «ярый националист» [34. Р. 42], религиозный фанатик, «испытывающий ненависть ко всем народам Востока», «выступающий за колониальную экспансию России» [34. Р. 41].

Достаточно проблематично абсолютно четко обозначить даты начала или окончания того или иного периода. Безусловно, рост интереса к творчеству и фигуре Достоевского начался еще до 1970-х гг. Так, в 1963 г. Х.Т. Мур отмечал огромную популярность писателя, в том числе вне академических кругов Америки: «Достоевский процветает в Америке мыльных опер, футбольных праздников и мюзиклов <...> Достоевский широко изучается в американских колледжах, четыре его романа признаны величайшими: “Преступление и наказание”, “Идиот”, “Бесы” и “Братья Карамазовы”» [35. Р. VI]. В контексте взаимодействия культур периоду активного транслирования новых текстов, в нашем случае исследований, посвященных изучению творчества Достоевского в политическом аспекте, должен предшествовать период насыщения новой информацией, период активного осмысления культурой нового инокультурного семиотического материала. Так, постепенное встраивание перевода «Дневника писателя» в метакультурную сферу, происходившее на фоне поиска американским достоевковедением основ художественного метода Достоевского, требовало определенного времени. Именно поэтому период 1950–1960-х гг. можно рассматривать как подготовительный, предшествующий периоду активного транслирования американским достоевковедением исследований, посвященных изучению политических воззрений русского писателя.

Безусловно, особым событием, знаменующим новый этап в осмыслении творческого наследия писателя, можно считать создание Международного общества Достоевского (1971 г.). С 1971 г. начинает издаваться Бюллетень Международного общества, а затем – периодический журнал «Dostoevsky Studies», объединяющий исследователей по всему миру. Не менее важным является также тот факт, что к началу выделенного нами периода были повторно переведены наиболее известные произведения Достоевского, что не могло не сказаться на росте интереса к творческому наследию писателя. Помимо указанных сугубо культурных и литературных событий, способствующих популяризации творчества Достоевского и привлечению внимания исследователей к его наследию, немаловажную роль также играет и экстрасемиотическая реальность. Напомним, что начиная с конца

1960-х гг. руководители стран восточного блока и Запада встали на путь снижения международной напряженности. Проводились встречи, заключались договоры, ограничивающие распространение ядерного оружия. Однако при внешней ориентации на конструктивные отношения стран Запада с СССР противостояние по-прежнему продолжалось, и уже с середины 1970-х гг. начинают создаваться новые виды оружия, начинается новый этап в гонке вооружения. Противостояние между двумя блоками государств, во главе которых стояли США и СССР, сопровождалось постоянным поиском новых сфер влияния (Латинская Америка, страны Африки, Азия) и вспышками локальных вооруженных конфликтов. Возможно, такой интерес с обеих сторон к странам Востока, Азии обусловил появление исследований творчества Достоевского, связанных с восточной проблематикой.

Идея о том, что перемены в политических отношениях России и США определяют вектор исследовательского интереса к творчеству Достоевского, подтверждается минимальным интересом исследователей к политической проблематике в творчестве писателя в 1990-е гг. В этот период в свет выходит только две работы, в частности монография С.К. Картера «Политические и социальные взгляды Ф.М. Достоевского» (1991 г.) [36] и статья А. Кэлли «Ирония и утопия в творчестве А.И. Герцена и Ф.М. Достоевского» (1991 г.) [37]. Картер, рассматривая социально-политические размышления писателя в контексте второй трети XIX в., выделяет 6 этапов эволюции социальных и политических взглядов Достоевского, а также причины, которые послужили стимулом к формированию крайне антизападных воззрений писателя. Статья А. Кэлли посвящена сопоставлению произведения А.И. Герцена «С того берега» и «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского в аспекте идеологической проблематики. Исследователь демонстрирует, что сложившаяся полемика между двумя писателями определила утопический характер размышлений Достоевского об истории, свободе и личности.

Выделенный нами третий период начинается с распадом Советского Союза. Уровень напряжения между Западом и постсоциалистическими странами заметно снижается, начинается постепенное сближение наций, ориентация на диалог культур. Для американского достоевсковедения в этот период характерно применение трех основных методологических подходов, а именно интерпретационного, компаративистского и методологии М.М. Бахтина, которые получают широкое распространение. В рамках применения методологии Бахтина исследователь рецепции творчества Достоевского в Америке в конце XX в. Н.Б. Мединская выделяет «собственно бахтинское направление» и «постбахтинское направление» [4. С. 26] и делает вывод о том, что «в результате усилий “постбахтинского” направления, оформляется концепция Достоевского как религиозного художника» [4. С. 27]. И если в 1970-1980-е гг. американское литературоведение изучало философско-религиозные вопросы в творчестве Достоевского в тесной взаимосвязи с его политическими убеждениями, отношением к славянофильству, народности и миссии России, то в

конце XX в. на фоне ослабления политической напряженности в центре внимания американских исследователей остаются только вопросы художественного своеобразия Достоевского и его религиозного мирозерцания.

Заключительный этап в рецепции творчества Достоевского в политическом аспекте начинается приблизительно с начала 2000-х гг. В рамках этого периода можно выделить три основных направления: политические взгляды Достоевского в сочетании с его религиозным мировоззрением; тему Востока в творчестве русского романиста; анализ художественного текста Достоевского на основе привлечения теорий политической философии.

Изучение политических размышлений писателя в аспекте его религиозных убеждений можно считать наиболее устойчивым направлением в американском достоевсковедении. Вслед за учеными середины XX в. исследователи начала нового столетия ставят цель реконструировать целостную картину мироустройства Достоевского, включая такие понятия, как государство, политика, социум, религия и человек. При этом наряду с исследованиями, в которых в большей степени для анализа привлекается публицистический материал творчества писателя, появляется целый корпус работ, центром внимания которых становится художественное воплощение политических воззрений Достоевского. В этом аспекте стоит упомянуть монографию Б.Д. Райденур «“Желание самое скромное”: идеальное государственное устройство России Достоевского» (2006 г.) [38], статью А. Джоэ «Тайные замыслы в романе “Братья Карамазовы” Ф.М. Достоевского» (2007 г.) [39]. Обращаясь к анализу текста романа «Братья Карамазовы», Б.Д. Райденур реконструирует идеальное, по мысли Достоевского, государственное устройство России. А. Джоэ в заключительном романе писателя исследует скрытые отсылки к тайным сообществам и сектам (масонство, раскольники, скопцы, бегуны). Автор подробно разбирает символические значения имен героев романа, предлагает новые интерпретации поэмы «Великий инквизитор» на историческом, философском и личном уровнях.

Отличительной чертой данного периода можно считать появление масштабных исследований, сборников, посвященных изучению политической проблематики в творческом наследии писателя. Впервые, эта книга английской исследовательницы С. Хадспис «Ф. Достоевский и идея русскости: новый взгляд на соборность и братство» (2004 г.) [40], опубликованная как в Англии, так и в США. Книга посвящена анализу славянофильских взглядов Достоевского на материале большого корпуса как художественных, так и публицистических произведений писателя. В центре внимания автора вопрос о русской идентичности, который рассматривается в контексте как нравственно-религиозных размышлений писателя, так и основных идей славянофильства. Издание «Политическая мысль Достоевского» [41], опубликованное в 2013 г., представляет собой сборник статей, посвященных изучению творчества Достоевского с точки зрения политической мысли: от его религиозных и

философских взглядов до политики Европы XIX в. В 2016 г. издательство Кембриджского университета издает книгу «Ф.М. Достоевский в контексте» [42], получившую распространение и в США. Собранные в книге статьи проливают свет на основные исторические и политические события, происходившие в России во второй половине XIX в., общественно-политические течения, особенности культурной, литературной и религиозной жизни русского народа. Представленный в книге анализ социокультурного, политического и исторического контекстов, в которых жил и творил Достоевский, позволяет выявить особенности художественного осмысления писателем окружающей его действительности.

По-прежнему в начале XIX в. сохраняется интерес исследователей к теме Востока в творчестве Достоевского. В рамках этого направления стоит упомянуть статью Х. Хан «Грезы об Исламе: видение Достоевского будущего России в романе “Преступление и наказание”» (2000 г.) [43], а также работы Д.О. Томпсона «Исламские мотивы в художественных произведениях Ф.М. Достоевского» (2009 г.) [44] и «Исламские мотивы: поэтические трансформации исторических событий» (2010 г.) [45]. Объединяющей чертой этих исследований можно считать внимание, прежде всего, к художественному воплощению темы Востока в творчестве писателя. Так, Х. Хан на основе детального анализа скрытых и явных отсылок к восточной проблематике и «восточному вопросу» (Турция, Египет, Крымская война 1853–1856 гг.), деталей материального мира, (турецкий диван, шляпа Раскольникова и т.д.), интертекстуальной связи между сном-грезой Раскольникова и стихотворением А.С. Пушкина из цикла стихотворений «Подражание Корану» доказывает отсутствие у главного героя национальной самоидентификации и приходит к выводу, что отказ Раскольникова от всего иностранного (мусульманского) лежит в основе его спасения. И именно такой путь Достоевский считал единственно верным для России. Д.О. Томпсон обращается к анализу повести «Двойник», роману «Преступление и наказание», выявляя разные функции образа Магомета в художественной структуре произведений. Анализ романа «Братья Карамазовы» в заявленном аспекте позволяет исследователю проследить эволюцию отношения Достоевского к мусульманской культуре от нейтральной оценки до резко негативной.

Наконец, можно выделить корпус работ, в которых исследователи для анализа художественных произведений Достоевского привлекают теории политической философии. Интерес зарубежных политологов к литературе как источнику достоверных фактов об окружающей действительности возник еще в середине 1990-х гг. Это время в западной науке о политике принято называть «literary turn» – «литературный поворот». Исследователи, работающие на стыке политологии и литературы, выделяют два магистральных подхода к литературе: анализ литературного произведения с целью получения фактов о реальности для создания политических теорий и анализ литературного текста с целью понимания механизмов воздействия текста на общество. Оба подхода

основаны на утверждении, что любой текст политичен или идеологичен. В рамках данного направления стоит назвать работы Р. Авраменко и соавт., такие как «Истерзанный скукой: анализ “Бесов” Ф.М. Достоевского через призму философии Э. Фегелина» (2004 г.) [46], «Герои Достоевского: или сострадание русской женщины» (2013 г.) [47], «Свобода от свободы: метафизика свободы в “Преступлении и наказании” Достоевского» (2013 г.) [48], и Л. Трепальне «Политика и опыт действенной любви в “Братьях Карамазовых”» (2009 г.) [49]. Характерной чертой указанных исследований является фокус на анализе непосредственно художественного текста. Исследователи, работающие в рамках данного направления, не привлекают к анализу публицистический материал писателя, выдержки из его писем. В их задачу не входит понять позицию писателя, выявить его отношение к определенному историческому факту или политическому событию. Рассматривая художественный текст как «намеренно созданный целостный объект» [50. Р. 6], исследователи «нацелены на выявление того, как художественный текст соотносится с политическим режимом» [50. Р. 6].

В итоге, что касается эволюции восприятия творчества Достоевского в США, можно говорить о доминировании направления, в котором политические размышления рассматриваются в тесной взаимосвязи с его религиозными представлениями. Наиболее резкие высказывания относительно национализма, империализма и шовинизма Достоевского наблюдаются в тех работах, авторы которых не вписывают политические взгляды писателя в его религиозное миропонимание. Свообразие формирования репутации Достоевского как политического мыслителя заключается также в постепенном переключении внимания американских исследователей с публицистического наследия писателя на непосредственно художественные тексты.

Проведенный анализ наглядно демонстрирует важность политической проблематики в формировании литературной репутации Достоевского в США. Обращение к политическим размышлениям писателя сохраняется на всех этапах развития американского достоевковедения. При этом, безусловно, можно говорить о периодах повышенного интереса к данной проблематике и периодах «тишины». Во многом изменения в политических отношениях России и западного мира становятся стимулом для обращения к политическим размышлениям русского писателя. Данный вывод подтверждается еще и тем фактом, что ранее выделенные периоды развития американского достоевковедения лишь частично совпадают с периодами обращения исследователей к политическим размышлениям Достоевского. На наш взгляд, данный факт подтверждает неразрывность русской литературы (творчества Достоевского) и политики в восприятии американских литературоведов. Однако помимо сугубо политических причин цикличность периодов в обращении исследователей к изучению политической проблематики в творчестве Достоевского можно объяснить самим механизмом диалога культур, который, в соответствии с терминологией Ю.М. Лотмана,

предполагает наличие периодов «так называемого спада», за которыми следуют «периоды трансляции» [13. С. 269]. Исходя из разработанной Ю.М. Лотманом теории о диалоге культур, можно говорить о том, что исследования политических воззрений писателя, находясь на периферии семиотического пространства, связанного с изучением творчества Достоевского на Западе, в 1950–1960-е гг., а также в конце XX в. находились на этапе «пассивного насыщения» [13. С. 269], получения новой или дополнительной информации относительно творчества русского писателя. Таким новым материалом, необходимым для последующего «ответного слова», в середине прошлого столетия

можно считать публикацию перевода «Дневника писателя», а также осмысление американским достоевковедением своеобразия художественного метода Достоевского. В 1990-е гг., помимо определенных политических событий, повышенный интерес американского достоевковедения к методологии М.М. Бахтина, связанный с попыткой переосмыслить накопленный семиотический опыт, приводит к периоду «пассивного насыщения» в рамках рецепции политических взглядов писателя, за которым следует новый этап, объединяющий эстетическое своеобразие творчества Достоевского, его религиозные, философские и политические размышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мотылева Т.Л. Иностранная литература и современность. Статьи. М. : Советский писатель, 1961. С. 212–275 («Достоевский и мировая литература»).
2. Григорьев А.Л. Достоевский в современном зарубежном литературоведении // Русская литература. 1972. № 1. С. 192–214.
3. Николоюкин А.Н. Взаимосвязи литератур России и США. М. : Наука, 1987. 350 с.
4. Мединская Н.Б. Ф.М. Достоевский в американской критике 1980–1990-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1997. 226 с.
5. Львова И.В. Литературная репутация Ф.М. Достоевского в США (1940–1960-е годы) : дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2000. 216 с.
6. Muchnic H. Dostoevsky's English Reputation (1881–1936) // Smith College Studies in Modern Languages. Northampton Smith College, 1939. Vol. 20 (3–4). 350 p.
7. Brewster D. East-West Passage: A Study of Literary Relationships. London : George Allen and Unwin Ltd, 1954. 328 p.
8. Новикова Е.Г. «Западные славяне» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 44–51.
9. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Русин. 2018. № 4 (54). С. 292–302.
10. Михновец М.В. Кавказ в системе геополитических представлений Ф.М. Достоевского // Studia Rossica Gedanensia. Rocznik / Ежегодник / Annual. № 6. Gdańsk, 2019. С. 97–106.
11. Подрезов М.В. Австрия как объект геополитических и идеологических воззрений Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 118–122.
12. Лотман Ю.М. Семиотическое пространство // Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ, 2004. 704 с.
13. Лотман Ю.М. Механизмы диалога // Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ, 2004. 704 с.
14. Brailsford H.N. The Slavic Hope // The New Republic. 1915. January 9. P. 12–13.
15. West R. The Barbarians // The New Republic. 1915. January 9. P. 19–20.
16. Zeitlin J. Dostoevsky the Reactionary // The New Republic. 1915. March 20. P. 176–178.
17. Старкова Л.К. Цензурная политика самодержавия в первой половине XIX века : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2000. 239 с.
18. Howe I. Dostoevsky: The Politics of Salvation // The Kenyon Review. 1955. Vol. 17, № 1. P. 42–68.
19. Cox G. Dostoevskian psychology and Russian cultural and political identity // Mosaic 17. Summer 1984. P. 87–102.
20. Matlock J.F. Literature and Politics: The Impact of Fyodor Dostoevsky // The Political Science Reviewer. Hampden-Sydney. 1979. Vol. 9. P. 39–60.
21. Frank J. Dostoevsky: the encounter with Europe // Russian Review. 1963. Vol. 22. P. 237–252.
22. Fueleop-Miller R. Dostoevsky's Literary Reputation // The Russian Review. 1951. Vol. 10, № 1. P. 46–54.
23. Simmons E. Dostoevsky. The Making of Novehst. New York : Oxford, 1940. 416 p.
24. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.
25. Belknap R.L. Dostoevsky's Nationalistic Ideology and Rhetoric // Pamphlet. 1972. January 1.
26. Sandoz E. Political Apocalypse: A Study of Dostoevsky's Grand Inquisitor. Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1971. 263 p.
27. Sandoz E. Philosophical Dimensions of Dostoevsky's Politics // The Journal of Politics. 1978. Vol. 40, № 3. P. 648–674.
28. Walsh D. Dostoevsky's Discovery of the Christian Foundation of Politics // Religion & Literature. 1987. Vol. 19, № 2. P. 49–72.
29. Ward B.K. Dostoevsky's Critique of the West: The Quest for the Earthly Paradise. Waterloo, Ont. : Wilfrid Laurier Univ. Press, 1986. 202 p.
30. Dirscherl D. Dostoevsky and the Catholic Church. Loyola University Press, 1986. 177 p.
31. Futrell M. Dostoevsky and Islam (and Chokan Valikhanov) // Slavonic and East European Review. 1979. Vol. 57, Is. 1. P. 16–31.
32. Futrell M. Buddhism and the Brothers Karamazov // Dostoevsky Studies. 1981. Vol. 2. P. 156–162.
33. Rice J. Dostoevsky and The Healing Art. New York : Ann Arbor, 1985. P. 259–279.
34. Sahni K. Oriental Phantoms: F. Dostoevsky's Views on the East // Social Scientist. 1986. Vol. 14, № 7. P. 36–45.
35. Moor H.T. Preface // Pachmuss Temira. F.M. Dostoevsky. Dualism and Synthesis of the Human Soul. Illinois, 1963. P. III–X.
36. Carter S.K. The Political and social thought of F.M. Dostoevsky. London : Routledge, 1991.
37. Kelly A. Irony and Utopia in Herzen and Dostoevsky: «From the Other Shore» and «Diary of a Writer» // Russian Review. 1991. Vol. 50. P. 397–416.
38. Ridenoure B.D. «A Most Modest Wish»: The Ideal Form of Dostoevsky's Russia. Senior Honors Theses. 2006. 144 p.
39. Johae A. Secret Designs in Dostoevsky's «The Brothers Karamazov» // Dostoevsky Studies. 2007. Vol. 9. P. 76–97.
40. Hudspeth S.F. Dostoevsky and the Idea of Russianness: A New Perspective on Unity and Brotherhood. London ; New York, 2004. 240 p.
41. Dostoevsky's Political Thought / ed. by R. Avramenko, L. Trepanier. MD : Lexington Books, 2013. 254 p.
42. Dostoevsky in Context / ed. by D. Martinsen, O. Maiorova. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 329 p.
43. Khan H. Dreaming of Islam: Dostoevskij's Vision of a New Russia in Prestuplenie i nakazanie // Russian Literature. 2000. Vol. 48, Is. 3. P. 231–261.
44. Thompson D.O. Islamic motifs in Dostoevsky's Literary Works, 1846–1866 // F.M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues. 2009. P. 480–491.
45. Thompson D.O. Islamic Motifs: Poetic Transformations of Historical Events // Dostoevsky's «Brothers Karamazov»: Art, Creativity, and Spirituality. Heidelberg, 2010. P. 101–114.
46. Avramenko R. Bedeviled by Boredom: A Voegelinian Reading of Dostoevsky's Possessed // Humanitas. 2004. Vol. XVII, Is. 1–2. P. 108–138.
47. Avramenko R., Ying J. Dostoevsky's Heroines: or, on the Compassion of the Russian Woman // Dostoevsky's Political Thought. MD : Lexington Books, 2013. P. 73–93.

48. Avramenko R. Freedom from Freedom: on the Metaphysics of Liberty in Dostoevsky's Crime and Punishment // Dostoevsky's Political Thought. MD : Lexington Books, 2013. P. 159–181.
49. Trepanier L. The Politics and Experience of Active Love and The Brothers Karamazov // Perspectives on Political Science. 2009. Vol. 38, Is. 4. P. 197–205.
50. Trepanier L. What Can Political Science Learn from Literature? // The Political Science Review. 2020. Vol. 44, № 1. P. 1–19.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 января 2021 г.

Political Issues in Fyodor Dostoevsky's Writings: American Reception

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 32–41.

DOI: 10.17223/15617793/464/4

Tatiana V. Korotchenko, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatyana1003@mail.ru

Keywords: reception of Fyodor Dostoevsky in USA; policy; dialogue of cultures.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-90020\20.

The article explores the American reception of Fyodor Dostoevsky's political ideology. The relevance of the study is due to the interdisciplinary character of modern literary criticism and perception of Dostoevsky not only as a talented writer, but also as an original philosopher and political thinker. It is for the first time when the reception of Dostoevsky's political ideology is revealed on the basis of works by American philologists and political analysts; namely, the study unveils the image of Dostoevsky as a political thinker formed within American scientific discourse. In addition, the analysis of the reception of Dostoevsky's writings in a foreign scientific culture contributes to a deeper understanding of the mechanisms of cultural interaction. The analysis of literary works on the basis of comparative-historical and comparative-cultural approaches, as well as modern semiotic concepts, reveals the basic periods and trends in the reception of Dostoevsky's writings on political issues in the USA in the 20th and the 21st centuries. The evolution of scholars' views on the writer's political ideology is disclosed. In the 1950s–1960s, Dostoevsky's political philosophy is primarily analyzed in terms of its fictional representation. In the context of cultural interaction, this period can be termed as a preliminary one followed by the period of active transmission of the texts that explore the essence of Dostoevsky's political ideology. Indeed, an intensive study of political views of the writer started in the 1970s–1980s. At this time, scholars addressed Dostoevsky's opinion journalism, incorporating the writer's political ideology into his social and religious views. A new period started in the 2000s. It is characterized by the synthesis of the most characteristic features of Dostoevsky's artistic method, his philosophical and political ideas. Thus, the image of Dostoevsky as a political thinker in American literary studies is characterized by analyzing the writer's political philosophy within his religious and social thoughts and considering Russian literature closely connected with the state policy. The most negative evaluation of Dostoevsky's political ideology, accusatory statements on writer's nationalism, imperialism, and chauvinism are found in the works whose authors investigate Dostoevsky's political ideology beyond his religious views. The interest of American scholars in Dostoevsky's political ideology is registered at all stages of Dostoevsky studies development. The changes in diplomatic relations between Russia and the Western world stimulate American scholars to address political issues in Dostoevsky's writings. However, besides pure political circumstances, the alteration of periods in addressing political issues in Dostoevsky's writings is due to the mechanisms of cultural interaction when the period of passive saturation with new semiotic material is followed by the period of active transmission of new texts.

REFERENCES

1. Motyleva, T.L. (1961) *Inostrannaya literatura i sovremennost'*. Stat'i [Foreign literature and modernity. Articles]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 212–275.
2. Grigor'ev, A.L. (1972) Dostoevskiy v sovremennom zarubezhnom literaturovedenii [Dostoevsky in modern foreign literary criticism]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 192–214.
3. Nikolyukin, A.N. (1987) *Vzaimosvyazi literatur Rossii i SShA* [The relationship between the literatures of Russia and the United States]. Moscow: Nauka.
4. Medinskaya, N.B. (1997) *F.M. Dostoevskiy v amerikanskoj kritike 1980–1990-kh gg.* [Dostoevsky in the American Criticism of the 1980s and 1990s]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
5. L'vova, I.V. (2000) *Literaturnaya reputatsiya F.M. Dostoevskogo v SShA (1940–1960-e gody)* [The literary reputation of F.M. Dostoevsky in the USA (1940s–1960s)]. Philology Cand. Diss. Petrozavodsk.
6. Muchnic, H. (1939) Dostoevsky's English Reputation (1881–1936). *Smith College Studies in Modern Languages*. 20 (3–4).
7. Brewster, D. (1954) *East-West Passage: A Study of Literary Relationships*. London: George Allen and Unwin Ltd.
8. Novikova, E.G. (2016) "Zapadnye slavyane" v "Dnevnikе pisatelya" F.M. Dostoevskogo perioda Russko-turetskoj vojny 1877–1878 gg. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1 (5). pp. 44–51. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/5/3
9. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2018) Mapping the slavic world in the Diary of a Writer by F.M. Dostoevsky. *Rusin*. 4 (54). pp. 292–302. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/17
10. Mikhnovets, M.V. (2019) The Geopolitics of the Caucasus in the Works of Fyodor Dostoevsky. *Studia Rossica Gedanensia. Rocznik / Ezhegodnik / Annual*. 6. pp. 97–106. (In Russian).
11. Podrezov, M.V. (2020) Austria as an object of the geopolitical and ideological views of Fyodor Dostoevsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 454. pp. 118–122. (In Russian). 10.17223/15617793/454/13
12. Lotman, Yu.M. (2004) Semioticheskoe prostranstvo [Semiotic space]. In: *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB.
13. Lotman, Yu.M. (2004) Mekhanizmy dialoga [Dialogue mechanisms]. In: *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB.
14. Brailsford, H.N. (1915) The Slavic Hope. *The New Republic*. January 9. pp. 12–13.
15. West, R. (1915) The Barbarians. *The New Republic*. January 9. pp. 19–20.
16. Zeitlin, J. (1915) Dostoevsky the Reactionary. *The New Republic*. March 20. pp. 176–178.
17. Starkova, L.K. (2000) *Tsenzurnaya politika samodержaviya v pervoy polovine XIX veka* [Censorship policy of the autocracy in the first half of the 19th century]. History Dr. Diss. Saratov.
18. Howe, I. (1955) Dostoevsky: The Politics of Salvation. *The Kenyon Review*. 17 (1). pp. 42–68.
19. Cox, G. (1984) Dostoevskian psychology and Russian cultural and political identity. *Mosaic*. 17. Summer. pp. 87–102.
20. Matlock, J.F. (1979) Literature and Politics: The Impact of Fyodor Dostoevsky. *The Political Science Reviewer*. 9. pp. 39–60.
21. Frank, J. (1963) Dostoevsky: the encounter with Europe. *Russian Review*. 22. pp. 237–252.

22. Fueleop-Miller, R. (1951) Dostoevsky's Literary Reputation. *The Russian Review*. 10 (1). pp. 46–54.
23. Simmons, E. (1940) *Dostoevsky. The Making of a Novelist*. New York: Oxford University Press.
24. Etkind, A. (2001) *Tolkovanie puteshestviy. Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh* [Interpretation of travel. Russia and America in travelogues and intertexts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
25. Belknap, R.L. (1972) Dostoevsky's nationalistic ideology and rhetoric. *Pamphlet*. January 1.
26. Sandoz, E. (1971) *Political Apocalypse: A Study of Dostoevsky's Grand Inquisitor*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.
27. Sandoz, E. (1978) Philosophical Dimensions of Dostoevsky's Politics. *The Journal of Politics*. 40 (3). pp. 648–674.
28. Walsh, D. (1987) Dostoevsky's Discovery of the Christian Foundation of Politics. *Religion & Literature*. 19 (2). pp. 49–72.
29. Ward, B.K. (1986) *Dostoyevsky's Critique of the West: The Quest for the Earthly Paradise*. Waterloo, Ont.: Wilfrid Laurier Univ. Press.
30. Dirscherl, D. (1986) *Dostoevsky and the Catholic Church*. Loyola University Press.
31. Futrell, M. (1979) Dostoevsky and Islam (and Chokan Valikhanov). *Slavonic and East European Review*. 57 (1). pp. 16–31.
32. Futrell, M. (1981) Buddhism and the Brothers Karamazov. *Dostoevsky Studies*. 2. pp. 156–162.
33. Rice, J. (1985) *Dostoevsky and The Healing Art*. New York: Ann Arbor. pp. 259–279.
34. Sahni, K. (1986) Oriental Phantoms: F. Dostoevsky's Views on the East. *Social Scientist*. 14 (7). pp. 36–45.
35. Moor, H.T. (1963) Preface. In: Pachmuss, T. *F.M. Dostoevsky: Dualism and Synthesis of the Human Soul*. Carbondale: Southern Illinois University Press. pp. III–X.
36. Carter, S.K. (1991) *The Political and social thought of F.M. Dostoevsky*. London: Routledge.
37. Kelly, A. (1991) Irony and Utopia in Herzen and Dostoevsky: "From the Other Shore" and "Diary of a Writer". *Russian Review*. 50. pp. 397–416.
38. Ridenoure, B.D. (2006) "A Most Modest Wish": *The Ideal Form of Dostoevsky's Russia*. Senior Honors Theses.
39. Johae, A. (2007) Secret Designs in Dostoevsky's "The Brothers Karamazov". *Dostoevsky Studies*. 9. pp. 76–97.
40. Hudspith, S.F. (2004) *Dostoevsky and the Idea of Russianness: A New Perspective on Unity and Brotherhood*. London; New York: Routledge.
41. Avramenko, R. & Trepanier, L. (eds) (2013) *Dostoevsky's Political Thought*. MD: Lexington Books.
42. Martinsen, D. & Maiorova, O. (eds) (2016) *Dostoevsky in Context*. Cambridge: Cambridge University Press.
43. Khan, H. (2000) Dreaming of Islam: Dostoevskij's Vision of a New Russia in Prestuplenie i nakazanie. *Russian Literature*. 48 (3). pp. 231–261.
44. Thompson, D.O. (2009) Islamic motifs in Dostoevsky's Literary Works, 1846–1866. In: F.M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues. Budapest: ELTE. pp. 480–491.
45. Thompson, D.O. (2010) *Islamic Motifs: Poetic Transformations of Historical Events. Dostoevsky's "Brothers Karamazov": Art, Creativity, and Spirituality*. Heidelberg: Univer sitätsverlag Winter. pp. 101–114.
46. Avramenko, R. (2004) Bedeviled by Boredom: A Voegelinian Reading of Dostoevsky's *Possessed*. *Humanitas*. XVII (1–2). pp. 108–138.
47. Avramenko, R. & Ying, J. (2013) Dostoevsky's Heroines: or, on the Compassion of the Russian Woman. In: Avramenko, R. & Trepanier, L. (eds) *Dostoevsky's Political Thought*. MD: Lexington Books. pp. 73–93.
48. Avramenko, R. (2013) Freedom from Freedom: on the Metaphysics of Liberty in Dostoevsky's *Crime and Punishment*. In: Avramenko, R. & Trepanier, L. (eds) *Dostoevsky's Political Thought*. MD: Lexington Books. pp. 159–181.
49. Trepanier, L. (2009) The Politics and Experience of Active Love and The Brothers Karamazov. *Perspectives on Political Science*. 38 (4). pp. 197–205.
50. Trepanier, L. (2020) What Can Political Science Learn from Literature? *The Political Science Review*. 44 (1). pp 1–19.

Received: 27 January 2021